

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ных, так как из-за голода и непосильного труда люди стали похожими друг на друга, превратились в «кожу да кости».

Несмотря на многочисленные премии, мировую славу писательницы, среди немецких литературных критиков есть сторонники мнения, что темы, которые Г. Мюллер затрагивает в своем творчестве, уже не актуальны; они советуют ей отказаться от прошлого и, наконец, начать писать о Германии. В свою очередь, Г. Мюллер придерживается иной точки зрения: она должна писать о том, что действительно является для нее важным, что ранило ее до глубины души и оставило глубокий след в ее жизни, в том числе – о депортации румынских немцев.

В романе Г. Мюллер «Качели дыхания» предстают картины жестокой лагерной жизни, показаны противостественность и бесчеловечность обстоятельств, в которых оказались героини произведения. Писательница ставит неутешительный диагноз времени и событиям, о которых повествуется в романе. Г. Мюллер реалистично, с использованием элементов натурализма, удивительно образно рисует картины лагерной действительности; произведении тесно переплетаются между собой ужасающие эпизоды из жизни интернированных и мир фантазии Лео (воображаемые «домашние» запахи, активное словотворчество героя и др.). Роман «Качели дыхания» – значительное явление европейской «лагерной прозы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мюллер, Г. Качели дыхания / Г. Мюллер, пер. с нем. М. Белорусца. – Санкт-Петербург: Амфора, 2011. – 319 с.
2. Мюллер, Г. Приспособление тонких улиц: Речь на открытии Дней немецкой литературы в Клагенфурте 23 июня 2004 года / Г. Мюллер, пер. М. Белорусца. – Иностранная литература. – 2005. – № 4. – С. 81–88.
3. Полян, П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. – М.: Мемориал, 2001. – 326 с.
4. Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – München: Carl Hanser Verlag, 2009. – 304 S.
5. Müller, H. Niederungen / H. Müller. – Berlin: Rotbuch-Verlag, 1988. – 140 S.

ТЕМА ЧЕРНОБЫЛЯ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Н.А. Рымарчук

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Говоря о зарубежной литературе, необходимо отметить необыкновенный интерес именно немецких авторов к чернобыльской проблематике. Три немецких писательницы ощутили масштабность и значимость для всего мира атомной катастрофы, произошедшей, казалось бы, за сотни километров от Германии. Первыми были К. Вольф (1929–2011) и Г. Паузеваг (р. 1928), которые уже в 1987 (по горячим следам происшествия) опубликовали свои повесть «Авария» и роман «Облако». Необходимо также вспомнить знаменитого немецкого писателя Гюнтера Грасса, который в своей «нобелевской» книге «Мое столетие» (1999), в главе, посвященной событиям 1986 года, вспоминает о «чернобыльском облаке», зараженных радиацией грибах в родном лесу и размышляет над печальными перспективами развития атомной индустрии. Не так давно современная немецкая писательница М. Хильбк (р. 1969) (книга «Дитя Чернобыля», 2010), что еще раз свидетельствует о том, что говорить о Чернобыле только как о какой-то сугубо национальной трагедии неправомерно, ибо он на сегодняшний день превратился в своеобразную метафору триумфа и одновременно поражения технического прогресса.

Сюжет повести «Авария» фактически вмещается в один день, но при этом поражает своей содержательностью. Главная героиня – писательница, проживающая в немецкой деревушке, однажды утром просыпается и слышит сообщение о взрыве на одном из атомных реакторов где-то в Европе. Хотя точное место этой трагедии в произведении не указано, мы понимаем, что писательница имеет в виду Чернобыль. Для этого есть основания – несколько раз в повести упоминается Киев. Действие романа Г. Паузеваг происходит в самом начале 1990-х годов, спустя некоторое время после настоящей аварии на Украине. Представив четырнадцатилетнюю девочку Яну-Берту жертвой вымышленного ядерного взрыва, якобы случившегося на атомном реакторе в Графенрейнфельде, писательница совершает попытку сделать катастрофу осязаемой и доступной для понимания современной немецкой молодежи. Очень важно, что своим произведением Г. Паузеваг заставила задуматься не только школьников, но и местные органы управления о том, существует ли на сегодняшний день возможность в экстренной ситуации вовремя эвакуировать людей маленького густонаселенного гессенского городка. Немецкая журналистка Ута Блайх в своей статье «С облаками приходит смерть» («Mit den Wolken kommt der Tod») указывает на

наличие множества доказательств потенциальной опасности взрыва на атомном реакторе Графенрейнфельда, приведенных разными научными организациями, такими, как, например, Институт исследования энергии и охраны окружающей среды г. Гейдельберга (IFEU). При этом журналистка подчеркивает, что никакому документальному источнику до сих пор не удалось с такой проницательностью, ясностью и зрелищностью передать все возможные последствия атомной катастрофы, как это удалось Г. Паузеваг в ее романе.

В результате сравнительного анализа произведений 80-х – повести «Авария» К. Вольф и романа «Облако» Г. Паузеваг можно сделать следующие выводы относительно художественного осмысления Чернобыльской трагедии в этих книгах. Проблемно-тематическое поле обоих произведений выходит за рамки рассмотрения атомной катастрофы. Как в «Аварии», так и в «Облаке» поднимаются проблемы взаимодействия человека и природы, нравственности, ответственности, а также необходимости преодоления в современном обществе человеческого отчуждения.

В «Аварии» отношение людей к окружающему миру показано посредством полярных образов рассказчицы-писательницы и ее брата-ученого. Безумное желание покорить природный мир ставится в укор представителям европейской, «мужской» цивилизации. При этом К. Вольф подчеркивает важность бережного обращения с природой, ибо в противном случае ее дары могут превратиться в средство уничтожения человека, как это случилось на многих территориях после аварии в Чернобыле. Писательница считает, что причиной небрежного отношения людей к природе и ближним является то, что в современном, по своей сути технократическом обществе материальные ценности преобладают над духовными. О том же заставляет задуматься и Г. Паузеваг. В ее романе окружающая реальность, переживаемая главной героиней до аварии, противопоставляется таковой после случившегося. Благодаря подобной биполярности сталкиваются две позиции: с одной стороны, притворный альтруизм, видимость борьбы за сохранение окружающей среды, экологическая некомпетентность, жестокость и безразличие «непострадавших» по отношению к «пострадавшим», с другой – сознательность, бережное и внимательное отношение и к природе, и к человеку.

Подчеркнем, что повесть К. Вольф относится к разряду аналитической прозы. Все темы, затрагиваемые в ней, освещены через призму философских вопросов. Так, проблемы ответственности ученых, познания окружающей среды рассматриваются К. Вольф в тесной связи с фундаментальными побуждениями человека, лежащими в основе его деятельности. Это одновременно тяга к созиданию и тяга к разрушению. Пользуясь терминологией психоанализа, их можно обозначить как либидо (креативное) и мортидо (деструктивное). Писательница напоминает о том, что сегодня люди должны быть предельно осторожны, внедряя в жизнь новейшие технические изобретения, чтобы не превратить результаты созидательного творчества в орудия массового уничтожения. В этом контексте К. Вольф размышляет над деятельностью современного писателя, который в процессе творчества тоже познает окружающий мир, впоследствии предлагая читателю свое произведение как модель познания действительности и происходящего в ней. Миссия писателя XX–XXI веков, считает К. Вольф, состоит в том, чтобы, не кривя душой, говорить с читателем на животрепещущие темы, включая техногенную катастрофу в Чернобыле, заставлять людей предпринимать шаги для предупреждения глобальных трагедий подобного рода. Писательство, согласно К. Вольф, может быть разрушительным, но может – и должно быть – созидательным, духовно-нравственным ориентиром для современного человека.

В свою очередь роман Г. Паузеваг отличается большей степенью злободневности, предельной социально-политической ангажированностью. Ее главная героиня, пятнадцатилетняя девочка, в процессе переживания атомной трагедии претерпевает своеобразную духовную эволюцию. При этом она осознает, что человеку, стоящему на пороге третьего тысячелетия, являющему собой продукт техногенной цивилизации и остро ощущающему ее кризис, необходимо не просто осознать свою экологическую и моральную ответственность перед другими, но и стать активным участником перемен. Он должен освободиться от всевозможных общественных предрассудков, научиться самостоятельно думать и принимать решения. Произведение Г. Паузеваг в этом смысле можно назвать уникальным наставлением современной молодежи в художественной форме.

В своих книгах К. Вольф и Г. Паузеваг размышляют над проблемой взаимопонимания и доверия в современном обществе. Оба автора обращают внимание на дисгармонию, отчуждение, «вредоносное» соперничество в отношениях между отдельными людьми и целыми странами. Авторы напоминают о необходимости единения, ведь теперь перед народами стоят общие цели, касающиеся сохранения экологии планеты, что самым непосредственным образом связано с экологией человеческих душ.

Философской и идейно-нравственной проблематикой «Аварии» К. Вольф и «Облака» Г. Паузеваг в большой степени обусловлена их поэтика.

Хронотопы повестей отличаются масштабностью и представляют собой сложные художественные структуры. У К. Вольф благодаря мысленному перемещению главной героини в пространстве и времени осуществляется своего рода «путешествие» по судьбам других героев, которых можно распределить по

группам соответственно «настоящему», «прошлому», «будущему». Образ самой рассказчицы в некотором смысле является объединительным, сквозным. С помощью героев «прошлого» писательнице удается сопоставить чернобыльскую катастрофу по значимости ее последствий, ее трагизма с событиями Второй мировой войны. Персонажи «настоящего» акцентируют внимание на взаимозависимости людей, которая особенно отчетливо дает о себе знать именно сегодня, в век прогрессивного развития науки и техники, атомной индустрии. Под героями «будущего» подразумевается молодое поколение, которое, по мнению писательницы, должно как можно раньше морально созреть, чтобы быть в состоянии различать преходящее и вечное, способствовать сохранению нравственных ценностей в обществе и тем самым – продолжению жизни на Земле. В повести имеет место слияние локальных пространств «Я» и «Ты» (рассказчица и ее брат) в глобальное «Мы». Следовательно, индивидуальное осмысление чернобыльской катастрофы в произведении вырастает до уровня общечеловеческого.

В повести Г. Паузеваг тоже воплощена взаимосвязь различных времен. Это позволяет говорить об экологической трагедии как о событии настоящего, но корни этой трагедии необходимо искать в прошлом, делая выводы для будущего. Прошлое также отмечено событиями Второй мировой войны, а точнее – героями, непосредственно к ней причастными. Писательница тем самым подчеркивает, что сегодня человек должен преодолеть косность своего мышления, некогда господствовавшую в сознании национал-социалистов склонность к приспособленчеству и конформизму. Это происходит благодаря постоянному использованию автором повествовательной техники «возвращения к прошлому» (Rückblende). Тем самым автор делает акцент на том, что от человека зависит, сохранится ли он сам как личность и сохранит ли он жизнь – в своем доме, в стране, на планете. Расширение пространственных координат повести происходит благодаря многочисленным воспоминаниям главной героини о своих близких в момент катастрофы, то есть мысленному перенесению ее в места их совместной жизни.

Как в «Облаке», так и в «Аварии» синтезированы элементы различных жанровых форм (хроники, документалистики, драматической поэмы, антиутопии). Необыкновенная эмоциональная напряженность внутренних монологов главных героев позволяет говорить о присутствии в обоих произведениях элементов драматической поэмы. Произведениям свойственны черты антиутопии. В повести К. Вольф ставятся под сомнение идеалы технократического общества, развенчивается миф о полной безопасности «мирного» атома. Схожими чертами наделена и реальность, изображенная в «Облаке» Г. Паузеваг.

С помощью использования элементов документальной прозы писательницы стремятся к большей достоверности, приданию научной обоснованности своим сомнениям и предостережениям. Так, в повести К. Вольф заметно частое использование научно-популярной лексики, а у Г. Паузеваг наблюдается стремление к топографической конкретике, то есть присутствуют названия реальных населенных пунктов, подвергшихся радиационному загрязнению.

Хроникальность повествования, которая подразумевает ведение рассказа по вехам реального прошлого, у К. Вольф реализуется благодаря ассоциациям, движению от мысли к мысли, от разговора к разговору, от воспоминания к воспоминанию в сознании главной героини, у Г. Паузеваг – от происшествия к происшествию, от диалога к диалогу. Следовательно, в «Аварии» некоторая хронологическая последовательность позволяет сформировать в большей или меньшей степени целостную картину состояния человека, пытающегося осмыслить комплекс сложных общечеловеческих проблем, вызванных к жизни катастрофой на АЭС, а в «Облаке» – охватить поступательное расширение масштабов трагедии.

Существуют и некоторые отличия между «Аварией» и «Облаком» в жанровом отношении. Так, повесть К. Вольф можно еще сравнить с новостями (такое жанровое определение дает своему произведению сама писательница), исповедью и эссе. Учитывая, что жанр «новости» относится больше к публицистике и журналистике, нежели к художественной литературе, отметим, что это художественное произведение суггестивно полемизирует с современными средствами транслирования новостей. Что касается эссеистичности и исповедальности, то благодаря им в повести «Авария» реализуется основной принцип творчества К. Вольф – принцип «субъективной аутентичности», предполагающий необходимость авторского «растворения» в материале произведения, что обеспечивает понимание читателем позиции самой писательницы относительно изображаемых ею конкретных событий. В этом смысле предельная откровенность, смелость мыслей, экспрессивность главной героини «Аварии» поразительны.

Что касается повествовательной манеры, композиции, языковых особенностей данных произведений, то здесь можно выделить как сходства, так и существенные отличия.

В «Аварии» мы имеем дело с повествованием от первого лица («Ich-Erzählung»), то есть внутренним монологом главной героини, при этом внешнее действие в произведении практически отсутствует. Напротив, в романе «Облако» писательнице представлялись важными не только душевные переживания своего персонажа, но и некоторая событийная последовательность, четкая композиция. Благодаря использованию автором «персонального повествования» («personale Erzählsituation») читателю предоставляется возможность то вживаться во внутренний мир главной героини, то наблюдать за нею как бы со

стороны, оценивая ее поведение в той или иной ситуации. Поэтому для первого произведения характерен прямой психологизм, а для второго – преимущественно косвенный.

Особую роль в повести и романе играют построенные на контрасте описания природы. В центре произведений – символика небесных объектов (солнца и облаков), которые не только отражают внутреннее состояние главных героинь, но и являются своеобразной иллюстрацией парадоксального сочетания вечной природной красоты и трагичности изменений, происходящих в ней ввиду техногенной катастрофы.

Язык «Аварии» К. Вольф сложен, философичен, произведение фрагментарно, изобилует сложными синтаксическими конструкциями, игрой слов и смыслов. Текст повести осложняется в силу его интертекстуальности (содержит множество цитат из Библии, сказок, произведений мировой литературы). Это заметно отличает повесть К. Вольф от романа Г. Паузева. «Облако» написано простым, прозрачным языком, практически лишенным сложных речевых оборотов, тропов и стилистических фигур. Писательница стремилась быть понятной и конкретной, так как свое произведение адресовала именно молодому читателю. Художественность ее романа достигается с помощью богатой символики, благодаря наличию многозначных образов, предельному вниманию к детали. Подчеркнем, что в книге присутствуют эксперименты с графикой текста, что позволяет заострить внимание читателя на отдельных идейных аспектах романа. В этом смысле она близка произведениям «конкретистов», а также некоторых немецкоязычных прозаиков XX века, например, М. Фриша, П. Хандке. Следовательно, можно сделать вывод о существовании как сходств, так и отличий в интерпретации немецкими писательницами Чернобыльской трагедии в произведениях, написанных в 80-е, – сразу после взрыва на АЭС. По нашему мнению, сходства обусловлены проблемно-тематической общностью, а отличия – разными подходами авторов к собственно художественному творчеству. Отметим, что обращение к атомной катастрофе, произошедшей на одном из восточноевропейских реакторов и нашедшей свое столь разностороннее отражение в произведениях двух писательниц-современниц К. Вольф и Г. Паузева, переживших Вторую мировую войну, возможно, вызвано необыкновенной чуткостью немецкого народа, переосмыслившего свою вину в потакании гитлеровскому режиму, к любого рода глобальным общечеловеческим проблемам.

«Дитя Чернобыля» М. Хильбк – это своеобразный репортаж, составленный писательницей в результате ее путешествий по Беларуси на протяжении 2009–2010 годов. Однажды немецкая журналистка, заинтересованная историей и культурой Восточной Европы и России, решает посмотреть на реактор «вблизи» и тем самым попробовать приоткрыть завесу над тем, что на самом деле произошло 26 апреля 1986 года. Поездка М. Хильбк принесла ей знакомство со многими людьми, так или иначе связанными с Чернобылем, таким образом, в центре ее романа, как и романа знаменитой белорусской писательницы Св. Алексиевич, – «мельнички» люди, в жизни которых атомная трагедия сыграла особую, в большинстве случаев даже роковую роль. Книга «Дитя Чернобыля» представляет собой роман-репортаж с элементами очерка. В отличие от произведений К. Вольф и Г. Паузева фигура автора здесь не размыта, не растворена в образах главных героев. Сама автор не только участвует в повествовании, но и является одним из главных действующих лиц романа. Он очевидец, репортер, политик, философ, социолог и писатель в одном лице. На наших глазах журналистка из Германии, вооруженная блокнотом, ручкой и фотокамерой скитается по деревням и весям, каждый день знакомится с новыми и новыми людьми, спрашивает о Чернобыле, фиксируя истории их жизни, отдельные наблюдаемые ей сюжеты на бумаге и фотопленке. По нашему мнению, именно поэтому определение немецких исследователей по отношению к жанру этого произведения, которое они называют «репортажем», является вполне справедливым. Однако в процессе своей работы М. Хильбк не только слепо записывала увиденные и услышанные данные, она, придавая им художественную форму, писала не что иное, как роман – «большое эпическое прозаическое произведение, в котором широко охвачены важные жизненные явления определенной социальной среды, нации и эпохи, созданы различные бытовые зарисовки» [1, с. 261]. О принадлежности этого произведения к жанру романа говорят «многочисленность главных и побочных сюжетных линий, неограниченность во времени и пространстве, большое количество действующих лиц разного типа, наличие внесюжетных элементов (авторские отступления, вставные эпизоды, пейзажи, интерьеры и т.д.)» [1, с.261]. На страницах книги можно встретить множество размышлений автора-репортера над судьбами белорусов. Некоторые главы практически полностью состоят из писательских рефлексий, развернутых характеристик отдельных явлений действительности, тем самым они напоминают публицистические очерки. Так, например, в одном из эпизодов М. Хильбк отмечает: «Люди из Машиной деревни, где я сейчас стою возле водяного насоса и мою голову холодной водой, так как другой возможности больше нет, заняты выживанием. Борьба за выживание, возможно, именно она та причина, по которой Маша до сих пор не интересовалась Чернобылем. Серые будни очень изнурительны на юго-востоке Беларуси. Они, исполненные бедности, болезней и безысходности практически не оставляют места для внимательного отношения к прошлому» [3, с. 97].

Возвращаясь к анализу художественного целого книги М. Хильбк «Дитя Чернобыля» отметим, что помимо автора здесь присутствует еще одна не менее значительная героиня – девушка Маша, которая

родилась как раз в 1986 году в деревне, расположенной недалеко от радиационной зоны. Некоторые главы романа написаны от ее лица. Наблюдаемое непостоянство повествовательной перспективы, своеобразная смена рассказчика дает возможность сопоставить суждения двух людей, представителей разных наций об одних и тех же проблемах, сравнить миропонимание немки и белоруски.

Следует отметить, что книга «Дитя Чернобыля» представляет собой пример множественной медальности в искусстве. Она непосредственно снабжена авторскими фотографиями: некоторые из них отображают сказанное, некоторые – дополняют его. Много фотографий было сделано в городе Припять, где как раз и располагается атомный реактор. М. Хильбк удалось посетить детский сад при электростанции. На страницах произведения можно найти два снимка, свидетельствующих об этом. На первом из них мы видим брошенную впопыхах каким-то ребенком куклу. По словарю символов и знаков Н.Н. Рогалевиц кукла «кзначально выступает какместилище души, жизненной силы человека» [2, с. 201]. Согласно этой трактовке можно сделать вывод о том, что растрепанная, грязная, покрытая толстым слоем паутины кукла в произведении М. Хильбк являет собой утрату той самой жизненной силы людьми, оторванными от своей малой родины, своих корней в результате вынужденной эвакуации. Помимо этого, можно сказать, что эта игрушка воплощает символ загубленного детства чернобыльских ребятишек, беззаботное существование которых остановилось в столь ранние годы. Подчеркнем, что вне текста фотография утрачивает своё трагическое звучание, пробуждая у читателя лишь отголоски ностальгической грусти по детству. В симбиозе с текстом фотоснимки М. Хильбк, подчиняясь авторской стратегии, наполняются новым, глубоко философским смыслом, органично дополняя сказанное в вербальной ткани романа. В романе-репортаже «Дитя Чернобыля» 15 глав. Отметим, что здесь в паратекстовую структуру вводятся основные семантически значимые образы. Так, например, одна из глав носит название «Spiel nicht mit den Schmuttelkindern», которое на русский язык можно перевести как «Не играй с пакостниками», что является заголовком песни известного немецкого барда Франца Дагенхарда. Можно сказать, что заголовок носит иронический характер. В роли так называемых «пакостников» в произведении выступает не кто иной, как представители партии «Зеленые», неустанно радеющие за правду перед народом относительно экологических вопросов. Такому их величанию в свое время поспособствовала Христианско-демократическая партия, в своих интересах не желающая ознакамливать сельское население Германии с истинными последствиями чернобыльского взрыва для их хозяйств. Таким образом, писательница делает вывод о том, что не только в СССР происходил обман населения, в результате чего тщательно скрывалась информация, связанная с радиоактивными загрязнениями территорий, с горечью подчеркивая явную политизацию даже тех сфер человеческой жизни, где речь идет о безопасности и здоровье граждан отдельных государств.

В заключение подведем итоги, подчеркнув, что произведения К. Вольф и Г. Паузеваг, будучи написанными непосредственно после катастрофы в Чернобыле, не содержат деталей случившегося, а сами трагедии, описанные в них, носят условный метафорический характер, выполняя в первую очередь предупредительно-прогностическую функцию. Книга М. Хильбк, вышедшая в свет в 2011 году, представляет собой репортаж с места происшествия спустя годы и содержит анализ самой катастрофы в Чернобыле: ее необратимых последствий и влияния на западноевропейское экологическое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Рогалевиц, Н.Н. Словарь символов и знаков / Н.Н. Рогалевиц. – Мн.: Харвест, АСТ, 2004. – 510 с.
3. Hilbk, M. Chernobyl Baby / M. Hilbk. – Frankfurt am Main: Eichborn, 2011. – 276 с.